

Неужели его усилия наконец-то заметил Цзян Муюнь? Та искренность, о которой он лишь мечтал, могла стать реальностью? Возможно, сам Цзян Муюнь не осознавал, что уже успел к нему привязаться?

— Прошу прощения, у меня дела, я вынужден откланяться.

Цзян Муюнь ушёл, и казалось, всё из-за этого письма.

— Брат Цзян! — Гу Цинчан преградил ему путь. — Ты же понимаешь мои чувства. У меня и мыслей не было о женитьбе...

Цзян Муюнь покачал головой. Взгляд его прояснился, будто он разом отсек все сомнения, и он улыбнулся:

— Это прекрасное решение, брат Чан. Мужчине подобает обзавестись семьёй и делом. Я должен от всей души пожелать тебе счастья. Как бы то ни было, мы останемся друзьями. Навсегда.

Неужели... он отступил?

Едва удалось растрогать чьё-то сердце, и всё рухнуло из-за одного письма?

Гу Цинчан, осознав всё, был съеден горьким раскаянием.

Проводив Цзян Муюня взглядом, он с искажённым злобой лицом вспомнил: кто это швырнул в его руку камнем? Если бы не этот удар, письмо не выпало бы, и Цзян Муюнь ничего бы не увидел!

Оглядевшись, он тут же заметил Гу Тиня.

— Это ты? Признавайся!

Гу Тин сделал невинное лицо.

Но Гу Цинчан был уверен:

— Ты сделал это нарочно! Гнусный выродок! Сам ничего не добился, вот и другим не даёшь! Вечно вертишься вокруг мужчин, вместо дела! Да как ты...

Ещё один камень просвистел в воздухе, куда сильнее прежнего. Он угодил Гу Цинчану прямо в рот, выбив зуб и заливая губы кровью.

— Мфф-кто мфф?!

Гу Цинчан, схватившись за рот, корчился от боли. Теперь ему было не до расправы — даже слова вымолвить не мог.

— Ты у мффня пожалмффшь!

В последний раз бросив на Гу Тиня яростный взгляд, он бросился прочь — надо было найти лекаря!

Вокруг воцарилась тишина.

Гу Тин посмотрел в окно в определённом направлении, погружённый в раздумья.

Покончив с делами в чайном доме, он вышел на улицу. По иронии судьбы, он снова столкнулся с Цзян Муюнем.

Тот стоял на углу, беседуя с кем-то. Его осанка была смиренной, даже униженной, ни следа от былой элегантной учтивости и уверенности. Казалось, его уличил в чём-то человек, с которым он очень хотел сойтись, и теперь тот, полный негодования, тыкал в него пальцем и осыпал упрёками.

Цзян Муюнь, всегда славившийся изысканностью и безупречными манерами, привыкший к похвалам и всеобщему вниманию, когда-либо терпел такое унижение?

Сейчас он, наверное, глубоко оскорблён и зол.

Но почему же, видя его страдания, Гу Тин чувствовал такую... радость?

Он прикрыл рот ладонью, боясь выдать себя смехом.

Рядом сгустилась тень — кто-то приблизился.

— Понял? — раздался низкий, уверенный голос. Это был Хо Янь.

Гу Тин повернулся к нему. Взгляд его был сложным, но в конце концов он медленно кивнул.

Он понимал, что имел в виду Хо Янь.

Тот спрашивал: «Понял теперь, как я выгляжу, когда по-настоящему кого-то ненавижу, считаю врагом или хочу использовать?»

Ю Дачунь прошлой ночью, Гу Цинчан и Цзян Муюнь сегодня — всё это дело рук Хо Яня. Если он решает кого-то погубить, жертва об этом даже не догадается. Более того, одной гибели мало — он отнимет самое желанное, самое дорогое.

По сравнению с этим, Хо Янь обходился с ним, Гу Тином, на удивление мягко. Он не проявлял неуважения, не питал отвращения, не строил козней... Гу Тин ошибался.

Глядя прямо в глаза Хо Яню, Гу Тин сказал:

— Ты веришь мне.

Хо Янь кивнул:

— Ты заслуживаешь доверия.

Гу Тин нахмурился:

— Но ты всё же сомневаешься.

Хо Янь слегка опустил веки:

— Ты умен. Разве не догадываешься, в чём именно я сомневаюсь?

— Не в том, что шесть лет назад я...

— Хм?

Встретившись с этим насмешливым взглядом, Гу Тин вздрогнул и всё понял:

— Ты сомневаешься не во мне, а в тех, кто хотел использовать меня тогда и хочет сейчас!

Он твёрдо знал, что не совершал ничего дурного. Хо Янь и сам мог понять: шесть лет назад Гу Тин был всего лишь одиннадцатилетним ребёнком, слишком юным, чтобы влиять на ход войны. Если что и случилось, то его просто использовали в чужих целях...

Хо Янь положил ладонь на голову Гу Тиня и мягко провёл по волосам:

— Дети чисты. Если и есть вина, то она не твоя. А если вины нет... то я рад, что заново тебя узнал.

Заново?

Гу Тин слегка опешил, даже не обратив внимания на руку в своих волосах, и, не меняя позы, поднял взгляд на Хо Яня:

— Так что же я сделал шесть лет назад?

Выглядел он при этом немного растерянным и оттого милым.

Хо Янь наклонился ближе, внимательно всмотрелся в его глаза и вздохнул:

— Ты и вправду ничего не помнишь.

Гу Тин: ...

Да, не помнил.

Хо Янь приблизился ещё, и его голос стал тише, глубже:

— То, что ты со мной сделал шесть лет назад, — всё забыл? А?

Лёгкий снег тихо ложился на волосы, на плечи, на протянутую крупную ладонь. Он затуманивал ресницы, делал взгляд влажным. Воздух стал прозрачным и звенящим, время словно замедлило свой бег.

Что же он сделал с Хо Янем шесть лет назад?

Гу Тин пребывал в полном недоумении. Он не мог вспомнить, но почему эти слова звучали так... двусмысленно?

Эй, Хо Янь, ты ведь князь, нельзя ли говорить попрямее?!

Он стряхнул с головы тяжёлую руку и, чтобы сохранить хоть какую-то дистанцию, отступил на шаг. Гу Тин сердито уставился на Хо Яня: Высокий рост — не повод так издеваться!

Юноша скалился, глаза его стали круглыми, точно у разъярённого котёнка. Все его угрозы отдавали молоком, были одновременно мягкими и надменными, и от этого только сильнее хотелось снова потрепать его пушистую голову.

Ладонь опустела, ветерок унёс последние следы тепла и прикосновения.

Хо Янь сжал руку в кулак и с лёгкой досадой выдохнул:

— Шесть лет назад на севере шла война.

— Знаю.

Взгляд Гу Тина стал сложным. В той битве этот человек потерял многих близких.

Он не стал распространяться, и выражение лица Хо Яня не изменилось, лишь голос, подхваченный ветром, прозвучал немного отрешённо:

— Тогда я был полон ненависти. Я опоздал на один шаг и никого не смог спасти.

— Ты... — Гу Тин хотел было утешить, но понял, что Хо Янь, вероятно, не нуждался в утешениях. Он сделал паузу. — А потом?

Хо Янь посмотрел ему в глаза:

— Потом я был благодарен. Благодарен, что успел. Я смог запомнить последний миг, смог собственными руками предать земле своих родных.

Исход был предрешён. Даже если бы я вернулся на час, на полдня раньше — ничего бы не изменилось. Разве что узнай я о ловушке за несколько дней, смог бы подготовиться и дать отпор. Но время не повернуть вспять.

Возможность увидеть всё своими глазами, врезать тот миг в плоть и кровь, страдать и помнить — уже благо.

— Я успел благодаря одной лошади. Эту лошадь ты мне одолжил.

— А? — Гу Тин заморгал, ткнув пальцем в свою грудь. — Я... одолжил тебе лошадь?

Глядя на ошеломлённого юношу, Хо Янь смягчил взгляд. В глубине глаз заплясали искорки, а голос стал теплее:

— Маленькая белая лошадка, ещё молодая. Вся белая, только вокруг глаз и на ногах — чёрные пятна. Выглядела... весьма необычно. Ты назвал её Цветочек.

Гу Тин застыл, ошеломлённый.

Этот мужчина играл не по правилам... Таким нежным взглядом, таким мягким голосом произносить «Цветочек» — слово, совершенно не сочетавшееся с его суровой натурой. Мир любит не только «свирепых воинов и героев», но и «тигров, что нюхают розы». Когда князь — Страж Севера внезапно становится таким... кто устоит?

Гу Тин чувствовал, что вот-вот ослепнет. Серьёзно, он терпеть не мог таких людей — красивых, могущественных, но при этом не заносчивых, готовых опуститься до уровня других, с глазами, глубокими и яркими, словно в них отразилось всё ночное небо, затмевая сияние звёзд и луны. Он всегда знал, что Хо Янь красив, но не ожидал, что его красота способна на такое!

Видя его остолбенение, Хо Янь легонько щёлкнул его по лбу:

— Вспомнил?

Гу Тин машинально потер лоб:

— Кажется... что-то такое было.

Тогда тоже стояла зима, лютый холод. Угли в очаге едва тлели, вода замерзала на лету, без горячей похлёбки было не выжить. Вся семья Гу пребывала в столице, а он, никчёмный побочный отпрыск, вздумал тягаться со старшим законным братом Гу Цинчаном. В наказание его отослали назад, в родовое поместье в городе Цзинь.

Слуги в поместье были прожжёнными циниками, какое уж там почтение к младшему господину? О нём попросту не заботились. Замерз — сам ищи уголь или дрова. Захотел есть — сам добывай пропитание. Ловить рыбу, пробивая лёд, и варить из неё похлёбку — вот чему он научился и в чём преуспел в те дни.

Правда, поначалу дело не шло. Однажды он даже свалился в голодный обморок у озера, так и не поймав ни одной рыбины.

<http://bllate.org/book/16279/1466063>